

УДК 94(47)033-083

УДК 297.17

Сухоруков Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры восточной филологии, Таврическая академия (с.п.), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

e-mail: sankafd2004@gmail.com

СУФИЙСКИЙ ОРДЕН МЕВЛЕВИ В КРЫМУ В XIV–XIX ВЕКАХ*

Аннотация. В настоящей работе проводится исследование функционирования суфийского ордена “мевлеви” на территории Крыма на протяжении длительного периода с нача XIV по конец XIX века. На основании свидетельств средневековых учёных отмечается, что последователи Джелаладдина Руми, идейного вдохновителя ордена мевлеви, оказались в Крыму уже в конце XIII века. Наибольшего распространения орден мевлеви в Крыму достиг во время Крымского ханства, находясь под покровительством правящей династии Гираев. После установления в Крыму советской власти орден мевлеви трансформировался в особую местную суфийскую традицию «саади», вобрав в себя элементы ордена йасавийа.

Ключевые слова: Руми, мевлеви, Крым, суфизм, Каландар-наме.

Sukhorukov Alexey Nikolaevich, Senior Lecturer at the Department of Oriental Philology, Faculty of the Crimean Tatar and Oriental Philology, Tavricheskaya Academy (structural unit), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 19-011-00030

e-mail: sankafd2004@gmail.com

MEVLEVI ORDER IN THE CRIMEA IN THE XIV – XIX CENTURIES

Annotation. This article deals with the functioning of the Sufi Mevlevi Order in the Crimea for a long period from the beginning of the 14th to the end of the 19th century. On the basis of evidence from medieval scholars, it is noted that the followers of Jalaladdin Rumi, the ideological mastermind of the Mevlevi Order, found themselves in the Crimea at the end of the 13th century. The Mevlevi Order in Crimea reached its greatest extent during the Crimean Khanate, under the auspices of the ruling dynasty Giray. After the Soviet power was established in Crimea, the Order of Mevlevi was transformed into a special local Sufi tradition of «Saadi», incorporating elements of the Yasawiya Order.

Key words: Rumi, Mevlevi, Crimea, Sufism, Calandar Name.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. Джалаладдин Руми или Балхи (1207–1273), известный также как Мевлана (с арабского «господин наш»), является великим персоязычным поэтом-мистиком, оставившим после себя богатое литературное наследие. Родился он в Балхе, на севере современного Афганистана, но большую часть жизни провёл в Малой Азии, известной тогда как Рум и находившейся под управлением турок-сельджуков.

Наиболее известным произведением Джалаладдина Руми считается «Маснави-йи манави» («Поэма о сокрытом смысле»). Это мистико-дидактическая поэма в шести частях, своеобразная энциклопедия суфизма в стихах, названная Абдурахманом Джами «Кораном на персидском языке». Кроме этого Дж. Руми является автором сборника газелей, четверостиший и других коротких поэтических форм общим объёмом около 30 тысяч бейтов, объединённых в «Диван Шамса Табризи». Эти стихи, как отмечает О. Акимускин, «были написаны большей частью для радений и отличаются высоким эмоциональным настроением, мелодичностью, ритмичностью,

экстатическим характером; почти все посвящены беззаветной любви к Богу и мистическим восторгам» [25; с. 12]. Пояснением к отдельным теоретическим и практическим вопросам из «Маснави» посвящено собрание «Фихи ма фихи» («Здесь то, что здесь (есть)»). Письма Дж. Руми представлены в сборнике «Мактубат», а отдельные проповеди с пояснениями к некоторым хадисам, прославлением Бога и Пророка вошли в собрание «Мава‘из ал-маджалис ас-саб‘а». Сам Дж. Руми писал мало – собственноручно им записаны лишь «Мактубат» и первые 18 бейтов «Маснави», остальное собрано его учениками, в первую очередь Хусам ад-дином Челеби и старшим сыном самого Руми – Султан Веледом.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Школа Руми была сформирована ещё около 1240-го года, но после его встречи с Шамсом Табризи и полным преображением в 1244 году, учение Руми приобретает совершенно иную окраску. Философская глубина содержания «Маснави», ритмичность и мистическая экстатичность многих стихотворных произведений Руми способствовали росту его популярности среди различных слоёв населения Сельджукского султаната. Уже вскоре после смерти Дж. Руми (1273 г.) его ученики формируют новый суфийский орден, получивший известность как «мевлеви», хотя Ибн Баттута, посетивший Конью в 1332 г., называет его «джалилийа» [11; с. 431], видимо, по начальному имени Джалаладдина Руми. Церемониальной отличительной особенностью ордена является особое место «сама» – религиозных песнопений с характерными вращениями, из-за чего в западном мире орден стал известен как «братство кружащихся дервишей». Усеинов Т. Б. пишет: «Великий мистик создал суфийскую общину мевлеви, которая в короткий срок стала столь популярной в османском и крымском обществе, что правители данных государств вынуждены были считаться с позицией последователей Руми при решении тех или иных общественных и политических вопросов» [28; с. 290].

При сельджукидах, как и при последующих династиях, орден мевлеви пользовался всемерной поддержкой султанов, отдельные из которых были его последователями. Это обстоятельство во многом послужило причиной того, что

орден был распространён в пределах влияния турок-сельджуков, а потом османов. Крымский полуостров не стал исключением из этого правила.

В настоящей работе будет рассмотрена деятельность представителей ордена мевлеви на территории Крымского полуострова в период с XIV по начало XX столетия.

Прежде всего, стоит кратко остановиться на истории исламизации Крыма и месте суфиев в этом процессе. Так, традиция связывает появление первых мусульман на Крымском полуострове с именами двух сподвижников пророка ислама – Малик Аштера и Гази Мансура. Имеющиеся данные и исторические свидетельства не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть эту легенду. Даже если эти сподвижники пророка и оказались в Крыму, это не привело к исламизации населения. Построение первой мечети в Крыму относят к 1221/1222 году, когда турки-сельджуки захватили Судак и всего за две недели построили мечеть, поставили кади, муэдзина и хатиба [10; с. 103]. Косвенным подтверждением распространения исламской культуры и литературы в Солхате в конце первой четверти XIII века является создание там в этот период поэмы «Юсуф и Зулейха» Махмудом Кырымлы. Последние исследования поэмы говорят в пользу того, что автор был последователем среднеазиатского суфийского шейха Ахмеда Ясави [3; с. 142].

Важным периодом в процессе исламизации Крыма стало непродолжительное, но очень богатое событиями время правления хана Берке (1255-1266 гг.), младшего брата золотоордынского хана Батые, внука Чингизхана. Джузджани, персидский историк XIII века, передаёт, что Берке с юных лет обучался Корану под руководством одного имама в Ходженте, проникся исламом и, после достижения 30-летнего возраста, не скрывал своих убеждений. Эвлия Челеби сообщает, что при хане Берке в главном городе Крыма – Солхате, в 1262-1263 гг. была построена мечеть силами Бей-Хаджи Умара Бухари [13; с. 83]. Сам хан Берке стал первым чингизидом, принявшим ислам. Традиционно считается, что полный переход хана Берке в ислам

произошёл под влиянием личности суфийского шейха в Сейф-ад-Дина Бохарзи во время военного похода Берке в Балх и Бухару.

А 1265/1266 году, возвращаясь в Крым после удачного похода, хан Берке (Баракат-хан) привёл с собой, как об этом сообщает «История Тохта-бая» в передаче Э. Челеби, около 1800 учёных-шейхов (*бабайи*) из Балха и Бухары, построил им соборные мечети и медресе и наделил их имуществом [23; с. 7].

В середине 1260-х годов в Крыму оказывается ещё одна крупная группа мусульман–суфиев, прибывших с другой стороны, а именно из Коньи и Анатолии, входивших в состав Сельджукского султаната. Дервиши прибыли одной большой группой, сопровождавшей в пути освобождённого из византийского плена бывшего сельджукского султана Кей-Кавуса II. Во главе дервишей находился легендарный суфийский проповедник Сары Салтук Баба, ученик Ахмета Йасави. Хан Берке, будучи уже ханом всей Золотой орды, отдал Кей-Кавусу два города в Крыму – его столицу, Солхат, и богатый портовый город Судак. Дочь хана Берке (правнучка Чингиз-хана) стала женой Кей-Кавуса. До самой смерти он был покровителем, защитником и попечителем суфиев в Крыму. При хане Берке ислам не был признан официальной религией в Золотой орде, более того, наследники Берке были сторонниками традиционных верований, и лишь заступничество и авторитет Кей-Кавуса в доверенной ему части Крыма позволили мусульманам заметно укрепить свои позиции. После смерти Кей-Кавуса (1278 г.) многие дервиши, прибывшие вместе с ним, покинули Крым и, ведомые Сары Салтуком, перебрались в Дунайский улус Ногая.

Таким образом, в середине 1260-х годов в Крым почти одновременно прибыли две группы мусульман, среди которых значительную часть составляли сторонники суфийского учения. Пришли они из двух различных регионов: из Средней Азии (Балх и Бухара) и Малой Азии (Конья и Анатолия), но были близки друг другу (тот же Сары Салтук был выходцем из Средней Азии и много лет назад отправился проповедовать в Анатолии по указанию своего учителя Йасави).

Возвращаясь к вопросу об истории ордена мевлеви в Крыму стоит указать, что сам Кей-Кавус – защитник и покровитель мусульман Крыма, поставленный золотоордынскими ханами править в столице Крымского улуса – Солхате и богатом портовом городе Судак, на протяжении долгого времени тесно общался с Джелаладдином Руми и был его учеником. Другим его мюридом (учеником), по мнению некоторых исследователей [8; с. 67], был сам Сары Салтук. Несомненно, Сары Салтук и Дж. Руми, были знакомы, и очень высока вероятность того, что именно Дж. Руми был связующим звеном между Сары Салтуком и опальным султаном Кей-Кавусом II.

Известный современный исследователь истории суфизма в Крыму Н. Абдульваапов делает осторожное заявление: «Довольно длительный период проживания Кейкавуса в Крыму даёт основания предполагать, что имя Руми и его творчество, – одна из вершин мировой мистической литературы, – могли стать известными в Крыму уже при жизни поэта» [3; с. 145].

При всём этом, сам факт проживания в Крыму учеников Дж. Руми, насколько близки они бы к нему не были, не означает, что последователи ордена мевлеви оказались на полуострове в 1260-1270-х годах хотя бы потому, что в то время орден ещё не сформировался в отдельную структуру со своим уставом и характерной ритуальной практикой. Лишь после смерти Дж. Руми в 1273 году его старший сын Султан Велед в своих сочинениях «Рубаб-нама» («Книга рубаб») и «Ишк-нама» («Книга любви») заложил основы формальной стороны учения.

До нас дошло не так много исторических свидетельств о духовной жизни в Крыму на рубеже XIII-XIV веков. Но то, что сохранилось, говорит о нахождении на полуострове образованных людей, хорошо знакомых с учением Дж. Руми и разделяющих его взгляды. Ценным источником по указанному временному периоду является объёмный поэтический труд на суфийскую тематику – «Каландар-наме». Впервые об этом сочинение становится известно в 1966 году, когда К. Муниров и А. Джуванмардиев в журнале «Общественные науки в Узбекистане» (№11) публикуют статью «Бесценное пополнение». В ней

говорится о рукописи, купленной ими в ходе традиционного выезда в области, города и районы республики в научные командировки для приобретения сохранившихся на руках населения сочинений. Эшреф Шемьи-заде после этого в одной из своих книг упомянул об авторе средневекового Крыма Эбубекире Мухаммеде, написавшем философский трактат «Каландарнома». На некоторое время интерес к «Каландар-наме» пропал, и лишь в 2003 году Юнус Кандымов обратился к Али Хамзину с просьбой выяснить местонахождение сочинения. Справиться с этой задачей ему помог ташкентский востоковед-иранист Энвер Хуршут. 30 апреля 2007 году был заключён «Договор №7 о научном сотрудничестве между Институтом востоковедения АН РУз и Меджлисом крымскотатарского народа» об издании и изучении «Каландар-наме». Хотя данный договор и не был реализован в полной мере, однако сочинение средневекового крымского богослова уже привлекло внимание нового руководства. Институт востоковедения Узбекистана установил сотрудничество с Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, после чего «Каландар-наме» оказалось введено в широкий научный оборот. С 2014 года переводы отдельных его глав с комментариями издавались в журнале «Золотоордынское обозрение», а в 2017 году свет увидел полный перевод «Каландар-наме», осуществлённый рабочей группой в составе И. Зарипова, Р. Абянова, и И. Галеева под общей и научной редакцией И.Р. Гибадуллина [6].

Автором «Каландар-наме» является Абу-Бакр Каландар или, как он сам называет себя в тексте – Пир Каландар Руми, выходец из города Аксарай (Анатолия). Опираясь на слова самого автора, можно говорить о том, что написание этого труда заняло не менее 23 лет (около 1320-1342 гг. и, возможно, позже), а местом составления однозначно называется город Кырим (قریم), столица золотоордынского улуса на полуострове.

И.М. Миргалеев собрал доступные данные относительно составителя «Каландар-наме». Он пишет: «Информация об Абу Бакре Каландаре встречается и в источниках: о нем упоминают два известных автора XIV в., это Ибн Баттута [32] и Ахмед Эфляки [31]. Как известно, Ибн Баттута был в

Золотой Орде и встречался не только с правителями, но и с известными мусульманскими учеными. Например, весной 1333 г. во время посещения города Солхат, он познакомился с имамом соборной мечети этого города с Абу Бакром [32; с. 464–465]. Эту мечеть построил мамлюкский правитель Мелик Насир. Имам такой мечети могли ставить только приближенного к Узбек-хану религиозного деятеля. Это говорит о том, что Абу Бакр был уже к этому времени известным и уважаемым ученым. Скорее всего, он был среди активных проповедников ислама, религии, которая теперь в Золотой Орде стала государственной. Кстати, ссылаясь на «Тухфат ан-назар» Ибн Баттуты, об Абу Бакре Каландаре пишет и Ш. Марджани» [18; с. 241].

«Каландар-наме» состоит из пяти томов и написана на персидском языке. По структуре она близка «Маснави манави» Дж. Руми – написана тем же поэтическим метром, и посвящена тем же вопросам. Повествование перемежается притчами, наставлениями и некоторыми историческими справками. Особую ценность представляет глава, повествующая о встрече автора с Султан Веледом – старшим сыном Дж. Руми, продолжившим дело отца и руководившего орденом мевлеви до 1312 года (стр. 201 рукописи) [27; с. 151-153].

Отношение Абу-Бакра Каландара к Дж. Руми отражено в отдельной главе, посвящённой великому мистику. Это глава 180 под названием «Восхваление Мавлана Джалал ад-дина Руми (да пребудет над ним милость Аллаха!)». Она состоит из 18 бейтов. Абу-Бакр Каландар не скупится на похвалы и в адрес главного произведения Дж. Руми – «Маснави манави», называя его источником ответов на все вопросы, «морем знаний», «волною жемчугоносной, целиком духовной», бейты которого «освежают душу и дух» [6; с. 300].

Исмагил Гибадуллин и Ильнур Миргалеев в «Предисловии» перевода на русский язык «Каландар-наме» пишут: «Следует особо остановиться на связи Абу Бакра Каландара с Джалал ад-дином Руми и восходящим к нему орденом Мавлавийя. В своем произведении он пишет о том, что прибыл в Конью и удостоился “взора благосклонности” сына Руми и основателя ордена –

Султана-Велада. Абу Бакра Каландара, который, несомненно, был хорошо знаком с главным произведением Джалал ад-дина Руми и восторгается им на страницах “Каландар-наме”, можно считать продолжателем и эпигоном заложенной его предшественником поэтической традиции» [6; с. 39].

В 1333 году Крым посетил и оставил ценные путевые заметки известный арабский путешественник Ибн Батутта. Он описал встречу с имамом соборной мечети Солхата (Кырым), а также посещение обители Саида Бохарзи, где Ибн Батутта присутствовал при исполнении «сема» – ритуального танца суфиев [16; с. 65].

Есть косвенные основания полагать, что в конце XIII века ещё одна обитель мевлеви возникла вблизи города Кезлев (современная Евпатория) в западной части Крымского полуострова. Первоначально текие дервишей было деревянным. А когда Кезлев перешёл под управление крымских ханов, то на прежнем фундаменте вместо деревянного текие было возведено каменное. Невдалеке построили Соборную мечеть, известную как мечеть Шукурулла-эфенди, а позднее ещё и медресе [1; с. 16]. Археологические исследования свидетельствуют о неоднократной реставрации текие начиная с XVII века. При постройке текие использовалась традиционная техника усиления звука посредством размещения в стенах особых керамических сосудов, выполняющих роль резонаторов, – таким образом, чтобы звук, распространяясь из центра помещения, усиленным эхом возвращался из-под верха купола. Подобный звуковой эффект позволял быстрее достичь нужного состояния во время проведения «сема» со специальным танцем и повторением под музыку молитвенных фраз (зикром). По периметру центрального зала текие расположены входы в девятнадцать келий, семь из которых – двойные.

В настоящее время это текие дервишей считается единственным в Европе, сохранившим свой первоначальный вид. В отдельных источниках при упоминании об этой обители используется выражение «текие Одун-базар къапусы» или просто «Одун-базар» по названию самых крупных крепостных ворот Кезлева, за пределами которых, несколько севернее, располагалась

обитель дервишей мевлеви. Находившийся в 1666–1667 годах в Крыму турецкий путешественник Эвлия Челеби отмечал чрезвычайную «многолюдность» текие на Одун-базаре [30; с. 90]. Всего в Кёзлеве Челеби упомянул три текие.

Сам Э. Челеби был членом ордена мевлеви, и маршрут его путешествия строился, большей частью, на переезде от одного текие к другому. В своих путевых заметках («Сеяхетнаме») он оставил много интересных данных о различных аспектах социально-политической и духовной жизни на Крымском полуострове, его истории и современном ему положении. Примечательно, что его фамилия напрямую говорит о связи с высшей прослойкой представителей ордена мевлеви. Хусам ад-Дин Челеби (ум. в 1284 г.) был ближайшим учеником и доверенной особой Дж. Руми, именно ему Руми диктовал свои стихи. Вскоре термин «челеби» стал обозначать высшую духовную степень, а самого главу ордена мевлеви стали именовать «Челеби-эфенди» [7; с. 611-614]. История сохранила имена некоторых литературных деятелей крымского ханства, которые носили фамилию Челеби. Наиболее известным является Шуайб Челеби. В их художественных произведениях всегда была заметна суфийская направленность.

Возвращаясь к «Сеяхетнаме» Эвлия Челеби укажем, что автор путевых заметок старался быть точным и беспристрастным в описании виденного. Так, характеризуя конфессиональное положение в г. Кафа (современная Феодосия), он пишет: «Короче говоря, так как народ Кефе весь – народ единобожников, то здесь имеются текке братств хальвети, джальвети, кадири и гольшени. Однако текие братства Мевляны или мевлеви-хане здесь нет». При этом, оценивая в целом положение суфийских орденов в ханстве, он называет орден мевлеви в числе самых влиятельных в Крыму [30; с. 90]. О степени популярности «кружащихся дервишей» Мевляны в Крыму говорит тот факт, их мистический танец был заимствован крымскими татарами и трансформировался в народный танец «хайтарма» [1; с. 16].

Дервиши любых орденов пользовались почтением среди населения Крыма. Орден мевлеви отличался от всех особым отношением к нему крымских ханов. В Османской Турции этот орден сохранял тесные отношения с верхушкой страны, считаясь особо приближенным к правителям. В Крыму также с возникновением Крымского ханства орден оказался под покровительством правящей ханской династии Гираев. Орден мевлеви называют самым богатым и привилегированным среди суфиев. Во главе ордена стоял шейх. Власть шейха была наследственной и почти неограниченной [1; с. 16]. Именно он в Хан-джами короновал наследника престола и опоясывал хана мечом Османа.

Всего Эвлия Челеби указывает на 33 текие различных орденов в Крыму. Наибольшая концентрация их приходилась на Кафу и Бахчисарай (по 9 текие в каждом). Однако окраска орденов в этих местах заметно отличалась. В городе Кафа были представлены «народные» суфийские братства – ни одного текие мевлеви, тогда как в Бахчисарае, столице Крымского ханства, и его округе их было несколько. Неслучайно центром этого ордена в Крыму считалась текие на городище Эски-юрт (на территории современного Бахчисарая), где находились мавзолеи некоторых крымских ханов.

Селения, располагавшиеся на месте современного Бахчисарая и его округе (Эски-Юрт, Салачик и Кырк-Ер) ещё раньше, с середины XIV века, сформировали один из центров ислама в Крыму. По данным Акчокраклы, в 1346 году в Эски-Юрт была возведена мечеть, а затем и медресе [17; с. 52]. Здесь же были обнаружены, среди прочего, две могильные плиты с надписями на персидском языке. Относились они к концу XIV - началу XV столетий. Примечательно, что одна из надписей (нач.XV ст.) – *من جگر شد خون افتادم او نی ز* ... [12; с. 27-28] – обращается к мотиву флейты, столь популярному среди ордена мевлеви.

Текие в Эски-Юрте было построено при Мехмеде IV (правил в 1641-1644, 1654-1667 гг.), который считался покровителем братства мевлеви. Помимо Мехмеда IV членами суфийских братств (преимущественно мевлеви) были

ханы Ислам II (1584-88), Хаджи Селим I (1671-78, 1684-91, 1692-99, 1702-04), Шехбаз (1787-89), принц Халим Герай (ум. 1823), члены семьи Шехбаз Герай (ум. 1836), Саид Герай (1-я пол. XIX в.) и другие [4; с. 25].

Сохранившиеся данные свидетельствуют, что ханы иногда отдавали своих детей на воспитание суфийским шейхам. Так, например, Ислам Герай II (член братства мевлеви) отдал своего сына Девлета на воспитание (аталычество) шейху Абдурахман-эфенди. О силе и чистоте веры ханов – членов ордена мевлеви можно судить по воспоминания известному османскому шейху XVII в. Мехмеда Ниязи-и Мысри, бывшего в дружеских отношениях с прославленным ханом Хаджи Селим Гераем (ум. 1704). Шейх был в восторге от личности хана (члена ордена мевлеви) и вообще – от крымских татар, считая их веру более искренней и «здоровой» (в сравнении с верой в Бога османов) [4; с. 20].

Поэзия Дж. Руми оказала сильнейшее влияние на османскую и крымскотатарскую литературу. Абдульваапов Н. указывает, что «значительная часть наиболее известных османских поэтов дивана были мевлеви» [Абдульваапов 2013: 233]. Подобная ситуация наблюдалась и в Крымском ханстве. Подробнее о поэтах-суфиях из династии Гиреев можно ознакомиться в статье «Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература» Абдульваапова Наримана [4; с. 25]. В этой же статье автор в качестве примера приводит имена некоторых членов ордена мевлеви в Крыму, которые покинули родину и достигли высот на различных поприщах в других частях Османской империи. Так, Абдулла Рамиз-паша (уб. 1813), выходец из Бахчисарая, поэт, стал высокопоставленным сановником и членом правительства «Рушукских братьев»; Феррух Исмаил (ум. 1840), бахчисараец, известный просветитель, богослов, поэт, переводчик, в 1797-1800 гг. был послом Османской империи в Англии; Ахмед Эфляки-деде (1808–1876), главный придворный часовщик, выдающийся представитель османского часового искусства; Фазыл Мехмед-паша (ум. 1882) – известный поэт, мулла Белграда, управляющий Боснией в отсутствие паши [4; с. 24].

Обилие крымских членов ордена мевлеви на службе в Османской империи в 19 веке объясняется тем, что с конца XVIII века Крым оказался в составе Российской империи. Первоначально по отношению к исламскому населению не предпринималось никаких мер. «Более того, – пишет И. Загидуллин, – крымские суфии – точнее, шейхи тарикатов, – включались в список мусульманского духовенства, что превращало их в отдельный слой общества, и наделяло официальным статусом и определёнными привилегиями, в частности, освобождением от некоторых повинностей и налогов» [9; с. 201].

За первое столетие нахождения Крыма в составе Российской империи количество текие (обителей) дервишей на полуострове не уменьшилось, а увеличилось – с 21 по состоянию на 1783 год до 23 текие в 1891 году [8; с. 72]. И это при том, что предыдущий (XVII) век в Крыму можно считать временем постепенного снижения авторитета суфизма и привлекательности его для простых мусульман ввиду продолжавшегося расслоения исламской общины по степени достатка и превращения шейхов, которые прежде отличались исключительной благочестивостью, в обычных крупных землевладельцев с сохранением отдельных признаков принадлежности к мистическому братству. Ярким показателем потери популярности суфизма в Крыму стало снижение количества текие с 33 в середине XVII века (по описанию Эвлия Челеби) до 21 при описи 1783 года.

В XIX веке происходит постепенно ограничение контактов дервишей на внутренних территориях России с внешними. Это проявлялось в усложнении процедуры получения разрешения на выезд, в т.ч. для совершения паломничества в Мекку, а также в запрете иностранным дервишам в получении российского гражданства. Ограничения были закреплены положениями Азиатского Комитета от 15 марта 1832 г. и 5 декабря 1834 г., а также Положением Комитета Министров от 18.02.1836 г. [Полное собрание законов 1837: 133-134]. После доноса генерал-губернатору графу Воронцову, что дервиши, якобы, готовят заговор, их перестали пускать на территорию Крыма, а те, кто остался, рассматривались как неблагонадёжная часть населения.

Указанные выше данные о существовании в Крыму в 1891 году не менее 23 текие дервишей подтверждаются воспоминаниями путешественников, ставших свидетелями мистерий дервишей и изложившими на бумаге свои впечатления от виденного. Эти свидетельства являются ценным историческим источником, позволяющим, среди прочего, определить принадлежность дервишей к тому или иному направлению.

Наиболее полное собрание воспоминаний о встречах с дервишами Крыма в период нахождения его в составе России представлено в статье Брилёва Д.В. «Суфизм в Крыму под властью Российской империи» [8; с. 72-84]. Для полноты и объективности картины уместно кратко остановиться на каждом из свидетельств.

В 1786 году, вскоре после завоевания Крыма Российской империей и укрепления новой власти, Крым посетили некоторые представители европейской прогрессивной интеллигенции, в том числе английская писательница Элизабет Кравен, графиня Беркли, и известный политический деятель, будущий активный участник французской революции Жильбер Ромм. Их воспоминания служат интересным историческим источником о жизни населения Крыма конца XVIII века.

Путевые заметки леди Кравен (Крейвен) были опубликованы в 1789 году, а в 1795 переведены на русский язык и изданы в Москве [Путешествие в Крым 1795]. В них, среди прочего, автор описывает специально устроенное для неё представление дервишей, собравшихся по приказу генерала Каховского и продемонстрировавших иностранной гостье суфийское мистическое богослужение. «Они стояли кругом посреди мечети, – пишет Э. Кравен, - и со вздохами ударяли о пол лбом, и вставали попеременно. Продолжая несколько раз такие телодвижения, и вертясь все одинаковым образом, многие из них упали в обморок, в котором валились на землю. Их относили в отдалённые углы мечети, в которых складывают этих богомольных суеверов, посвящающих своё тело и время в доказательство набожности святому их Пророку» [22; с. 279].

Жильбер Ромм оставил более пространное описание его встречи с дервишами в Крыму в том же 1786 году. Некоторые характерные элементы в описании свидетельствуют о принадлежности встреченных им в Бахчисарае дервишей к ордену мевлеви. Приведём отдельные выдержки из заметок, сделанных Ж. Роммом: «Дервиши ... мерно двигались по кругу, скрестив на груди руки... После того как они походили так по кругу, один из них, которого называли шейхом, или начальником, вышел на середину и принялся испускать вздохи, постепенно все усиливая их и усиливая, покачивая туловищем и головой вправо и влево и поворачиваясь кругом; к нему присоединился другой, третий и т.д., так что посреди большого круга образовался малый круг возносящих вздохи; тогда пение стало раздаваться только время от времени, и слышны были одни лишь размеренные и ритмичные рыдания малого круга, но большой круг все продолжал двигаться, покачивая головами так же, как и рыдавшие. ... Тот из этих несчастных, которому... удастся привести себя в состояние наиболее сильного возбуждения, начинает с величайшей быстротой кружиться на одной ноге посреди круга, сначала скрестив руки на груди, затем, удвоив ревностные свои усилия, начинает бить по воздуху обеими руками, как будто для того, чтобы еще быстрее кружиться ... остальные стараются ещё сильнее его разгорячить; он продолжает так до тех пор, пока не начнёт валиться с ног; тогда его поддерживают, кружась вместе с ним, рыдая и раскачиваясь. Наконец, очнувшись, он возвращается в круг и продолжает проделывать то же, что и все остальные в кругу. Иногда они кружатся по-двое, обнявшись так, как будто собираются вальсировать. Под конец они садятся на пятки опять-таки в круг, посредине – их начальник, или, за его отсутствием, старейший после него» [24; с. 40].

Орден мевлеви был не единственным суфийским братством в Крыму. Павел Сумароков, российский чиновник, состоявший на протяжении нескольких лет в Комиссии по решению земельных вопросов в Крыму, оставил описания и дервишей другого братства, характерные признаки которого позволяют узнать в нём последователей ордена йасавийа. Представители

разных направлений суфизма прекрасно уживались друг с другом, более того, они устраивали совместные собрания, описание одного из которых можно найти у П. Сумарокова в его книге «Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. Часть 1». После описания мистерии, характерной для братства йасавийа, когда участники собрания, под конец, стали без сил падать на землю, автор говорит о неожиданном продолжении собрания: «Выступили вертуны, которые вертелись в одну сторону, без остановки, с большой скоростью, минут по семь, и также падали от изнеможения» [26; с. 144].

Резкое ослабление контактов дервишей ордена мевлеви Крыма со своими собратьями из Турции и центра ордена – города Коньи после распоряжений 1830-х годов привело к ещё большему размытию границ обрядовой стороны этого тариката и неизбежному частичному смешению с орденом йасавийа, которому характерен громкий зикр, коллективное движение дервишей по кругу, напоминающее в момент апогея дикий танец, отпугивающим образом действовал случайных свидетелей.

В 1892 в составе земской комиссии Бахчисарай посетил знаменитый украинский писатель Михайло Коцюбинский. Он оказался под сильным впечатлением от виденного в текие кружащихся дервишей и сделал записи, которые осенью 1904 года оформил в виде рассказа «Под минаретами». Приведём небольшой отрывок из данного рассказа на языке оригинала: «...Жива каблучка уже хитнулась. Раз у той бік, раз у другий. Спочатку плавко, поволі, у такт, немов тихі вітри хитають колом, немов лагідні хвилі гойдають водні лілеї. Схиляються чалми в честь шейха, гойдається мозок, як у колиці, душа бажає розгону, й дедалі зростає рух. Здається, вітри міцніють, підхоплюють коло. Все швидше та й швидше. Зростає пісня... дужчає голос, обличчя сяють, білі халати надулись від вітру, і мають поли. Поклони все глибші, все нижчі. Тіло згинається удвоє, в'ється, як вуж, китиці фезів скачуть по чалмах, а слова пісні злились у крик <...> Дика радість хапає за серце... Абібуба чує, як нові сили, великі, незміряні, ввілляла та пісня у його члени. Вони всі скачуть, радіють, усі славлять Бога... Плигає тіло в шалених рухах,

хвилюють груди, і скаче голова, залита потом, а крізь заплющені очі він бачить небо, усе в вогнях» [14].

Более полная версия записей Коцюбинского в переводе на русский язык приводится в работе Д.В. Брилёва «Суфизм в Крыму под властью Российской империи» [8; с. 80-81]. Мы укажем лишь на несколько важных деталей, заслуживающие внимания в рабочих записях Коцюбинского. Первое – это движение вертящихся дервишей по одному общему кругу, что присуще ордену йасавийа. Второе – нехарактерная для мевлеви форма зикра: «Хай-гай... ай... гай... ай... гай... ай... гай... ай... хай...». Третье – интенсивность и громкость этого зикра. Коцюбинский, описывая апогей мистерии вертящихся дервишей, отмечает: «Поющий приходит в экстаз, ускоряет пение, хлопает в ладоши, ай-гай стаёт ещё стремительней, переходит в рычание, дикое, звериное <...> Трутся лбами, лицами, крутят невозможно головами, гавкают, как собаки, часто, громко: гав, гав, гав, гав... Экстаз до кульминационной точки... В конце утомлённые, расслабленные, тихими, жалостными голосами, подняв руки, вздыхают: аминь... аминь.. аминь... аминь... Трут лица руками, будто просыпаются. Шейх благословляет. Кошмар» [15; с. 363]. Четвёртое важное обстоятельство, отличающее эти собрания от традиционных мистерий дервишей мевлеви в Турции, это использование их для излечения больных, которых начинают вносить в мечеть в процессе обряда верчения и складывать в центре. Дервиши самозабвенно кружатся вокруг них, укрытых белой накидкой.

Несколькими годами позже (1913) в путеводителе по Крыму Григорий Москвич описывал подобную же картину: «Другую достопримечательность Бахчисарая составляют “вертящиеся дервиши”. Одежда дервишей различного покроя и цвета. Головной убор состоит из тюрбанов. Дервиши собираются в мечеть вечером на молитву, становятся в круг и начинают выкрикивать слово Гуве. У татар дервиши считаются священными лицами и их молитвы, по всеобщему верованию, исцеляют больных. Поэтому перед богослужением татары приводят своих больных, которых дервиши укладывают на пол, покрывая халатами, и становятся вокруг них. Молитва муллы сопровождается

криками сильнее всех остальных. Постепенно движения молящихся становятся чаще, крики – громче. Наконец, они доходят до полного экстаза и начинают вертеться. В исступлении дервиши иногда падают на пол без чувств» [20].

Источником для материала Г. Москвина послужило описание, данное ему одним из руководителей экскурсии, посетивших Бахчисарай в 1902 году. Приведём некоторые места из этого описания, переданные в работе Брилёва: «Адские завывания безумно молящейся толпы ураганом диких звуков пронесли под низкими сводами мечети... Восточная дикая обрядность в начале ещё не очень пугает зрителя. Но постепенно движения молящихся становятся чаще, выкрикивания неистовее и громче...» [19; с. 111-112]. Как мы видим, на рубеже XIX и XX веков наблюдается явный отход от классических традиций ордена мевлеви в сторону сближения с народными формами.

В путеводителе по Крыму Григория Москвича от 1908 года приводились некоторые статистические данные о количестве суфиев Бахчисарае и их собраниях: «Другую достопримечательность Бахчисарая составляют “вертящиеся дервиши”. Подобного зрелища в другом месте в России нельзя увидеть. Вертящихся дервишей можно видеть (с проводником) в мечети (текэ) на Азизе – по четвергам с 9 час. вечера. Церемония длится около 3 час. Доступ в текэ всегда всем свободен. Всех дервишей насчитывают до 200: делятся они на 4 ордена; вертящихся всего человек человек 40» [19; с. 111].

Последним известным источником о состоянии суфийского движения в Крыму в начале XX века служит публикация Михаила Шевлякова в Историческом вестнике (1909 г.), который, упоминая о «вертящихся» дервишах, отмечал их малочисленность. Относительно достоверности его данным можно высказать сомнение и предположить, что его публикация явилась результатом переосмысления уже опубликованных работ М. Коцюбинского и Г. Москвича. Он повторяет, с незначительными отличиями, все основные положения указанных двух авторов, облекая в иную литературную форму и снабжая некоторыми деталями. Хотя нами и высказаны сомнения в том, что М. Шевляков сам был очевидцем описанного, однако, ввиду того, что автор мог

обращаться и к дополнительным источникам, считаем необходимым вслед за Д. В. Брилёвым привести полную цитату из публикации Шевлякова относительно дервишей мевлеви в Крыму:

«...Вертящиеся дервиши, несомненно, произведут очень сильное впечатление. Этих монашествующих магометан вообще немного, а в России небольшая их горсточка только и существует в Бахчисарае, где они имеют свою собственную, очень приземистую и невзрачную мечеть в пригороде, в местности, называемой Азиз и расположенной возле станции железной дороги. Для молитвы они тут собираются раз в неделю – в четверг поздно вечером – и молятся до самой полуночи... Богослужение дервишей заключается в произнесении громких гортанных звуков и в покачивании на месте всем туловищем и отдельно головой, с таким ежеминутно нарастающим ожесточением, что с зрителями случаются обмороки и едва ли вообще кто может наблюдать за этими людьми без головокружения и страшного подъёма нервов. Их возбуждение легко передаётся наблюдающим и если сами они не валятся долгое время с ног, так потому только, что стоят в тесном кружке и крепко держат друг друга за руки. Но всё-таки в конце концов и они не выдерживают своих тяжёлых движений и падают на каменный пол, где сидя, поджав ноги, продолжают себя истязать раскачиванием головы из стороны в сторону до полного изнеможения. А у иных даже появляется у рта пена. И когда доведут себя до состояния полной невменяемости, и когда их отрывистое песнопение, заключающееся, кажется, в одном “алла-алла-алла”, постепенно замрет под сводами древней мечети, наступает пятиминутный отдых. А затем снова поднимаются и опять становятся в кружок для того, чтобы вновь начать “вертеться”. После третьего самоистязания, когда экзальтация их достигает высших пределов, а лица становятся белыми и глаза наливаются кровью, в мечеть начинают вносить тяжело болеющих мусульман. Их по очереди кладут на пол, в центр кружка. Дервиши снимают с себя мокрые от обильного пота халаты и набрасывают их на болящих, и затем с большим экстазом

продолжают выкрикивать свое “алла-алла-алла” и вертеться до нового изнеможения» [29; с. 180-181].

С каждым годом расхождения в характере мистерий дервишей мевлеви Крыма и Турции становились всё более заметными. В Крыму происходило их сращение с йасавийа, от мевлеви остались лишь элементы вращения и соответствующая суфийская литературная традиция. Было утрачено даже название тариката, – они стали известны как «саади», особая местная форма суфийской практики, при том, что всегда сохраняли элемент вращения в своих церемониях.

В 1914 году для ордена саади в Эски-Юрте было построено новое текие, выполнявшее одновременно функции мечети. Именно с этим текие связаны яркие воспоминания некоторых деятелей культуры и литературы конца XIX – начала XX веков, посетивших Бахчисарай.

После революции 1917 года и распространения в Крыму идей коммунизма практика дервишей, и прежде находившаяся в затруднительном положении, оказалось невозможной. Текие дервишей приходили в запустение. Долше всего просуществовала суфийская община ордена мевлеви в Эски-Юрте (на территории современного Бахчисарая). В 1950 году знаменитое текие и мечеть в Эски-Юрте была разрушена, а на ее месте построен городской рынок Бахчисарая. С 2006 года по требованию общественности это историческое место было очищено и в настоящее время готовится к музеефикации. Текие дервишей мевлеви в Евпатории также восстановлено усилиями Алифе Ханум Яшлавской и сейчас входит в состав Этнографического музея. В частном порядке ведутся восстановительные работы и в текие Газы Мансур, располагающемся в бывшем селении Кырк-Ер (Чуфут-кале).

О степени популярности «Маснави» Дж. Руми в Крыму можно судить по сохранившимся в архивах музеев экземплярам этого произведения, а также составленных к нему комментариев. Данная тема специально никем не изучалась. Кроме того, известно, что большая часть рукописей и ценных печатных изданий была вывезена из Крыма ещё до 1941 года. Наиболее ценный

материал изложен в статье Н. Абдульваапова «Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае» [2], в которой автор опирается на Инвентарную книгу Бахчисарайского дворца-музея. Среди прочего, сообщается, что в Бахчисарайском музее представлен экземпляр «Маснави» Дж. Руми с апокрифичным 7 томом, изданный в Египте в 1852 году. Этот экземпляр «Маснави» принадлежал И. Гаспринскому, но был передан им в медресе Зенджирлы (Бахчисарай), а оттуда попал в музей. Кроме того, Гаспринским в 1902 г. было издано 2 тома перевода «Маснави» на османский язык. Экземпляры этого издания сохранились в Отделе национальных литератур РГБ Москвы [2; с. 94].

Не все места написанного на персидском языке «Маснави» Дж. Руми могли быть точно поняты его последователями в Крыму, потому естественна была потребность в комментариях к этому произведению. В коллекции Бахчисарайского музея имеется три османских комментария, точнее – их фрагмента. Первый представляет собой экземпляр последнего тома 4-томного стамбульского издания 1288 г.х. (1871/72) на турецком языке, принадлежащий известному османскому шейху суфийского братства байрамии Сары Абдуллаху (1584 – 1660) (полное название произведения: «Джевахир-и бевахир-и Месневи»). Второй – экземпляр 2-го тома 6-томного стамбульского перевода на турецкий язык (полного) с комментарием (на первые 2 тома) известного османского государственного деятеля и публициста Абидина Паши (1843–1906). Полное название: «Терджюме ве Шерх-и Месневи-и шериф». Примечательно, что в Инвентарной книге 1938 года присутствуют тома со 2 по 6-ой. Третий комментарий принадлежит Али бин Ахмеду. Этот экземпляр представляет собой рукопись, датированную 1007 г. х. (1598/99). Абдульваапов указывает: «К началу XX века к “Месневи” было написано, по меньшей мере, 19 комментариев – на арабском, персидском и тюркских языках. <...> Обращает внимание, что шерх Али бин Ахмеда в известных нам списках комментариев к «Месневи» отсутствует. Возможно, в нашей коллекции

сохранился оригинальный список неизвестного в научных кругах комментария» [2; с. 94].

В Бахчисарайском музее представлены также литературные работы некоторых членов ордена мевлеви, творивших в Османской Турции, и труды которых были популярны и востребованы в Крыму. Прежде всего, стоит указать на «Мевлид» (1409) Сулеймана Челеби, повествующий о жизни пророка Мухаммеда. Вокруг «Мевлида» Челеби сформировалась целая группа сходных по тематике литературных произведений, условно объединяемых под названием «Мевлидский канон». Абдульваапов отмечает, что «Мевлидский канон» был чрезвычайно популярен в широких народных слоях, достигнув славы подлинно научной литературы [2; с. 95]. В Бахчисарайском музее хранится несколько рукописных списков и семь экземпляров печатных изданий «Мевлида» Сулеймана Челеби (ум. 1422).

ВЫВОД. На основании проведённого исследования можно сделать вывод, что учение и мировоззрение Джалаладдина Руми оказало заметное влияние на духовную жизнь в Крыму как в золотоордынский период, так и во время существования Крымского ханства. Орден мевлеви, состоящий из последователей философско-мистической доктрины Дж. Руми, стал одним из ведущих в Крыму и пользовался всемерной поддержкой правящих династий. Наибольшее количество последователей ордена находилось в Бахчисарае, меньше – Кёзлеве (Евпатории). В XIX веке ввиду вынужденного прекращения контактов с центром ордена мевлеви в Конье (Турция) усилился процесс слияния ордена мевлеви в Крыму с другими тарикатами, прежде всего – близкими к йасавийа, в результате чего сформировалась особая суфийская традиция в Крыму, известная как «саади», сохранявшая внешние признаки принадлежности к мевлеви. Текие дервишей этого ордена просуществовала в Крыму до середины XX века. В настоящее время предпринимаются успешные попытки восстановить отдельные текие в различных местах Крыма.

Список источников:

1. Абдулаева Г. Святая обитель суфиев // Татарский мир. – 2009. – № 6. – С.16.
2. Абдульваапов Н. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае / Н. Абдульваапов // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57. – Т. 2. – С. 92–98.
3. Абдульваапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. – № 79. – 2006. – С. 140-149.
4. Абдульваапов Н. Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература: основные направления исследований / Н. Абдульваапов / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т.1. – Симферополь : КРИ “Издательство Крымучпедгиз”, 2011. – С. 135–158.
5. Абдульваапов Н.Р. Суфизм и крымскотатарская поэзия дивана // Ученые записки Таврического национального университета им. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь. – 2013. – Т. 26 (65). – № 1, ч. 1. – С. 231-240.
6. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное. – Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой / Общ. и научн. ред., предисл., коммент. И.Р. Гибадуллина. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 1044 с.
7. Бартольд В. В. Челеби // Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1968. – Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – 759 с.
8. Брилёв Д.В. Суфизм в Крыму под властью Российской империи / Брилёв Д.В. // Религиоведческие исследования = Researches in Religious Studies. – 2016. – №2. (14). – М., 2016. – С.61-86.
9. Загидуллин И. Институты суфизма в Крыму // Суфизм как социокультурное явление в российской умме: материалы Всероссийской

научно-практической конференции, (Казань, 21 ноября 2006 г.). Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007.

10. Зайцев И.В. Ислам в Крыму в XIV-XVIII веках // 2015 / Золотоордынское обозрение. Казань. – № 2. – 2015. – С.103-128.

11. Ибн Баттута (пер. Гибба). – *Travels of Ibn Battuta*. Trad. H. A. R. Gibb, Vol.2. Hakluyt Society, 1962.

12. Иванов А.А. Надписи из Эски-Эрта /Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. – Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1989. – с.24-31.

13. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). – Симферополь: Дар, 1999. – 345 с.

14. Коцюбинский М. Под минаретами / М. Коцюбинский // Киевская старина. – 1905. – Т. 88. – Кн. 3. – 176 с.

15. Коцюбинський М. Твори в семи томах. Том 2. Повісті і оповідання (1897-1908). – К: Наукова думка, 1974.

16. Крамаровский М. Г. Крым и Рум в XIII-XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение, №1 / 2016, Казань, с.55-88.

17. Мамутова З.А. Рукописные книги XIII–XV веков по изучению основ ислама в фондах КРУ “Бахчисарайский историко-культурный заповедник” // Східний світ . – 2014. – № 1. – С. 48-54.

18. Миргалеев И.М. Золотоордынский богослов Абу Бакр Каландар // Сборник статей участников Международной конференции «Тюркомусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения». – Казань, 27-28 мая 2014г., – С. 241-243.

19. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издание 17-е. Одесса: Типография Э. Шмида (бывш. Шульце), 1908.

20. Москвич Г. Путеводитель по Крыму / Г. Москвич. – СПб., 1913. – 157 с.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1836. СПб, 1837, Т. 11, Отделение 1, С.133-134 (№ 8881).
22. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен. М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1795.
23. Резюме “Истории” Тохта Бая / Транскрипция и перевод на рус. яз. Н. Сейитяхья // Научный бюллетень (Орган НИЦ КГИПУ). – 2002. – № 2. – С. 3-8
24. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1941.
25. Руми Джалал ад-дин. Маснави-йи манави («Поэма о скрытом смысле»). Первый дафтар (байты 1-4003) – Пер. с перс. О. Ф. Акимускина, Ю. А. Иоаннесяна, Б.В. Норика, А.А. Хисматулина, О.М. Ястребовой / Общ., науч. редакция и указ. А.А. Хисматулина. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. – 448 с.
26. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Часть I. СПб.: Императорская типография, 1803.
27. Сухоруков А.Н. Персидский язык в Крыму до 20-го века / Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. – Казань, 2015. – с.139-167
28. Усеинов Т. Б. Религиозно-суфийская литература Крымского ханства // Культура народов Причерноморья. – 2001. – №26. – С.289-291
29. Шевляков М. Крымская Азия. Бахчисарайские впечатления // Исторический вестник. № 30. 1909. Т. 7.
30. Эмиров Р. С. Дервиши в духовной культуре крымских татар // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 199. – Т. 1. – С.90-91.
31. Ahmed Eflaki. Ariflerin menkibeleri. Farscadan ceviren: Tahsin Yazici / Ahmed Eflaki. – Istanbul, Kabalci yayinlari, 2012. – 813 s.
32. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battut Tanci Ibn Battuta seyahat namesi. Ceviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. – Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. – Cilt 1–2. – 1104 s.